

**Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников
по литературе**

2018-2019 учебный год

11 класс

Максимальный балл – 95

Дорогой любитель литературы!

Желаем тебе успеха!

1. Аналитическое задание

Максимальный балл - 70

Выберите один из предложенных вариантов задания и выполните целостный анализ текста – прозаического ИЛИ поэтического (по выбору)

В качестве помощи вам предложены достаточно сжато сформулированные направления для размышления, которые носят рекомендательный характер; их назначение – лишь в том, чтобы направить внимание на существенные особенности проблематики и поэтики текста.

Вариант 1. Анализ прозаического текста

Выполните целостный анализ рассказа Р. Валеева «В какие ты годы жила». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы: диалог как основа сюжета рассказа, система образов, способы раскрытия образов, интертекстуальные отсылки как способ создания образа героини, соотношение разных временных пластов в тексте, противопоставление пространства комнаты и пространства за окном.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Рустам Валеев

В КАКИЕ ТЫ ГОДЫ ЖИЛА

Двое немолодых людей встретились после многих лет и находились в том глупом возбуждённом состоянии, когда не знаешь, о чем, собственно, говорить. Но вот махнули по стаканчику, и первое, что сказал гость, было про Вальку Ращектаеву.

Ни тот, ни другой этому не удивились, как будто именно про Вальку и надо было сказать. За окном густыми хлопьями падал мокрый снег, мутил свет в комнате и нагнетал безмолвие. А там, откуда занесло пленительное имя, сухое шелестело лето и пели детские радости. Уже беспокойные были радости, потому как потихонечку мужали парнишки.

– Больше говорить, что ли, не о чем? – фальшивым тоном сказал хозяин, поправляя на худоватых плечах женскую стертую шаль. – Сколько лет не виделись?!

– Лет сорок не виделись, – кивнул гость тяжелым подбородком.

Он был костистый, большой, а сидел на узкой похилившейся кушетке, примкнутой изголовьем к письменному столу хозяина. Хозяин, занимая свое привычное место на стуле, старался не замечать, как его гость беспокойно дергает коленями над низкою гранью неудобной кушетки. Наконец, утихнув, тот продолжал свой рассказ:

– Ну говорю ж, приходит старушка, спрашивает мою жену. Её, мол, нет дома, садитесь подождите. Она – про своего внука, у него неладно с английским, вот пришла к учительнице. Слушаю вполуха, и вдруг! – сама-то она из Городка. Где жила? На Летягинской. Кого помнишь? Рустика. Вот как! Тебя не забыли, гордись, ха-ха! А ты небось забыл?

– Да нет, – ответил хозяин. – Волосы такие... срыжа.

– Красивые были.

– Ага. У меня бедное представление о цвете – ну, черные волосы, белые, ну, рыжие. А ведь у иной женщины, да, именно у женщины, волосы бывают таких неуловимых оттенков, такой красоты, что и не скажешь...

– Ты говоришь, срыжа. А я не могу согласиться, – перебил гость тем тоном, каким, вероятно, когда-то разговаривал с подчиненными на работе.

– Когда пронизывало их солнце, волосы казались... ну вот когда осенний лист еще не покраснел, а только-только...

Гость рассмеялся и сказал:

– Фантазировать, Рустик, можно сколько угодно, но теперь она старушка. Это у вас свои помидоры? – Он взял с тарелки помидор и, подержав в руке, положил обратно. – Она, видишь ли, сразу после медучилища вышла замуж и уехала. Муж – ветеринар, жили в совхозе. Две их девочки были еще маленькие, когда он связался с какой-то бабенцией... ну, дело обыкновенное.

– Почему обыкновенное? – В голосе хозяина прозвучала строгость. Но вышло это немного смешно: его утлая фигура с женской шалью на плечах, дрожание на мягком, безвольном лице никак не вязались со взыскательным тоном.

– Почему? Никто тебе не скажет, почему люди так часто ошибаются. У меня вон от первой жены двое, уже взрослые мужики. Старший – в Липецке, тоже, как и отец, энергетик, шесть подстанций. Прежде я звал его к себе в Караганду, а теперь вот и сам собрался в Россию. Казахи эти!..

– А она не говорила – может, тоже хочет переехать?

– Валя? Нет, не говорила. Дочери, внуки, и все бедны, плохо устроены, а переезд потребует средств... А ты почему спрашиваешь?

Хозяин не ответил. Его сигарета истлела почти до основания, однако не просыпалась пеплом, и он, не дыша, смотрел на этот хлопчатый длинный голубо-седой клочок. Походило на детскую игру. И на лице у Рустика, как называл его гость, тоже детское трепетало выражение – чуткого и боязливого любопытства к пустой в сущности забаве.

– Погода мерзейшая, – проворчал гость, быть может, недовольный тем, что не получил ответа.

Он встал и на длинных подгибающихся ногах прошагнул к окну. Хозяин, оставшись на месте, крепко зажмурил глаза, словно именно он увидел, как унылая снежная масса убийственно падает на черный страшный асфальт.

– Да, Сережа, погода неважнецкая, – проговорил он, мягкими интонациями возвращая приятеля опять к столу. – Моя жена никак не соглашается, а я говорю: раньше уже в мае наступало тепло и так до сентября – тепло, иной раз жарко.

– Однажды я Первого Мая искупался, помню, сразу после демонстрации. Ребят набежало, кто-то уже разнаготился и тоже к воде подскакивает. Один ты на берегу. В толстом свитере, еще и шарфик на шее. Мамочка над тобой тряслась...

Хозяин курил, шурился с полуулыбкой и видел что-то свое.

– Я Вальке стихи посвящал, – сказал он вроде бы не к месту. – “Да разве об этом расскажешь, в какие ты годы жила...”

– “Какая безмерная тяжесть на плечи твои легла”, – с дурашливым пафосом подхватил собеседник. – Из учебника.

– Ну да, я к Исаковскому и свое что-то приписывал, теперь не вспомнить. У него про женщину, мученицу воины, а я – где свое, где чужое – все Вале посвящаю. А Валя – совсем еще девочка. Нам ведь лет по тринадцать было...

– Побольше было, – не согласился гость и почему-то засмеялся. – И все-то мама тебя за ручку водила. И все-то берегла: мороженого не кушай, босиком не ходи!

– Мать у меня хлопотливая была. Такой и до смерти оставалась... Я уже седьмой заканчивал, а мать провожать шла почти до самой школы. Как бы хулиганы не задрались.

– А тебя, кажется, поколачивали.

Задумавшись, хозяин промолчал. Он как будто припоминал: поколачивали или нет?

– Может, и поколачивали! – сказал он весело, с вызовом. – В то лето вы все почему-то взъелись на меня, пришлось отсиживаться в ограде... Но как-то побежал на Летагинскую, знал, что вы за реку пошли, воровать в огородах. И только я в переулок – Валька навстречу. Как сегодня, помню: я, говорю, еще вернусь! Вроде, как рыцарь, своей даме клянется.

– Фараоном влюбленным ходил, никого близко к ней не подпускал. Мне однажды нос разбил. Все его боялись. А лет через десять – я уже в армии отслужил, уже в Нижнем Тагиле три года отработал – в отпуске, в Городке, встречаемся у Булата. Обтерханный, глазки мигают. Помнишь, говорю, нос мне разбил? Держи удар! У меня к тому времени разряд по боксу.

– И ты...

Да нет. Однако напугал шибко. – Он замолчал и долго с гримасами на лице, тер себе колени. У него, как видно, мозжили суставы, сбивали речь, и какая-нибудь новая мысль неосознанно сводилась к болезням. – А я, бывало, как вспомню тебя, то обязательно вижу с шарфиком на шее... Тебе, кажется, гланды хотели вырезать...

– Гланды? Да, я часто простужался. – Он словно урок отвечал и дурачился перед учителем: – Гланды, лаванды, ну, еще и шаланды... А знаешь, в то лето я так и не ходил больше на Летагинскую и Вальку не видел. Да, может, и не хотел, не знаю. А потом наступила зима... снега белейшие, морозные скрипы окружают тебя со всех сторон, и воздух ровно бы голубой, каким бывает лед на реке. И вот как-то в библиотеке встречаю Валю. Стала перед библиотекаршей, сняла шаль. Голова обвязана платком и такая маленькая, маленькая... Болела, ее постригли наголо, волосы едва начали отрастать. Господи, как защемило у меня сердце! Ведь вот она, думаю, ходит в школу, а там над нею, может быть, смеются.

– Понятно. Красивые были волосы – и вдруг стриженная.

– Такая жалость, такая боль, словно это моя сестра. И вот что я тогда почувствовал – что-то взрослое, я и сейчас не могу объяснить. Что вот миновала какая-то пора в жизни, прошла, нельзя вернуть.

– Стихов не читал? “В какие ты годы жила...”

– Не помню. Нет, не читал. Разве проветрить комнату?

Он поднялся и открыл было форточку, но полыхнуло такой сыростью и смрадом, таким нехорошим гулом, будто машины и люди ругались между собой, он тут же затворил упругую под ветром створку.

– Погодка! – опять пожаловался гость. – Мне бы раньше с этим переездом... – И опять взялся натирать колени, и опять болезненные гримасы замельтешили на его лице. Мысли тоже сбивались и мельтешили. – Да, теперь Валя в другом государстве и навряд ли когда-нибудь вернется.

– Может, и там жизнь наладится. Но вот когда?

– Когда рак на горе свистнет! – выкрикнул Сергей и захохотал так громко, что обоим стало ясно: они порядком запьянели.

Как это бывает с дюжими, степенными людьми, Сергей вдруг застеснялся своей выходки и, похоже, отрезвел даже. Но и это ему не понравилось, он тут же налил себе сполна и залпом выпил. И взялся досказывать:

– Она посидела, посидела: не дожусь, говорит, учительницу, а мне еще в сад ехать. Помидоры, мол, собрала, перцы, а не вывезла. Ладно, говорю, я Вас свожу...

– Вас? – сперва засмеялся хозяин. – Ты так и сказал?! – И покачал головой, качнулись и плечи, шаль сползла на пол.

– Она ж меня не помнит, так она сказала. Ладно, говорю, гараж у меня вон под окнами, а Вы, как соберетесь, на угол выходите. Ушла. Я выезжаю. Потом, это, жду... жду. Так и не пришла.

– Может, внука не могла одного оставить.

– А может, подумала чего, – усмехнулся гость. – Однако зачем она мне, такая старушка?

Рустик хотел что-то ответить, но поперхнулся, замахал руками. Затем проговорил с влажным хрипом в голосе:

– Разве так можно... на Вы!

– Я ведь у нее спрашиваю: кого помнишь? Ну вот, например, Серегу? Нет, говорит, не вспомню. – Он обиженно пожал плечами и потом говорил уже с каким-то страдальческим подъемом: – Каждый божий день ну прямо у нее перед окнами бухали в футбол! Я же такие финтифанты накручивал, и такая пыль вставала, никого не видишь... пьяный, счастливый, вон ворота – бей! У меня с левой – какой был удар! У Шаманихи свинью насмерть зашиб...

– Да уж!

– Ну ладно, меня не помнит... она ведь так и сказала: не помню. Э-э, мало ли чего – потеря памяти, старческое слабоумие, черт побери!

– Это ты зря.

– А я повторю: черт побери! Вот почему именно тебя сразу вспомнила?

– Не знаю, – смущенно хохотнул хозяин, но было заметно, что ему грустно. – Сережа, – просительно сказал он, – разве обязательно надо злиться?

Его собеседник не ответил и махнул рукой в сторону окна. А там!.. Снег теперь не падал медленными хлопьями, а словно кто-то его швырял и при этом злобно присвистывал, как хулиган. Твердая морозная крупа секла по стеклам с резким сухим шуршанием.

Приятели смотрели, качали головой, как будто им было стыдно за капризную и неожиданно озлившуюся природу.

Вариант 2. Анализ поэтического текста

Выполните целостный анализ стихотворения **Владислав Ходасевич** «**Перед зеркалом**». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): интертекстуальные отсылки, символы и их назначение в тексте; автобиографизм стихотворения, изображение лирического субъекта, два воплощения центрального образа и их смысловой и лексический контраст; охарактеризуйте хронотоп (художественное время и пространство текста); проанализируйте роль тропов и лексики в выражении авторской позиции. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Владислав Ходасевич

«Перед зеркалом»

*Nel mezzo del cammin di nostra vita**

Я, я, я! Что за дикое слово!
Неужели вон тот - это я?
Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?

Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачных балах,-
Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?

Разве тот, кто в полночные споры
Всю мальчишечью вкладывал прыть,-
Это я, тот же самый, который
На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?

Впрочем - так и всегда на середине
Рокового земного пути:
От ничтожной причины - к причине,
А глядишь - заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти.

Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Виргилия нет за плечами,-
Только есть одиночество - в раме
Говорящего правду стекла.

1924

* На середине пути нашей жизни (итал.)

2. Творческое задание

Максимальное количество баллов - 25

Как известно, муз, олицетворяющих один из видов науки или искусства девять. Но уже в конце XIX века стали говорить о десятой музe – музe кино, кинематографии. Назвали даже точную дату её рождения – 28 декабря 1895 года. Лучшие произведения русской литературы были экранизированы, а некоторые еще ждут своего часа.

Представьте себе, что вы редактор журнала, в котором рассказывается о лучших экранизациях произведений русских писателей.

Вы должны:

1. Придумать название журнала.
2. Написать колонку главного редактора, в которой вы призываете известных (начинающих) режиссёров снять фильм по одному из произведений русской литературы (как классической, так и современной). Укажите название произведения, его автора. Обоснуйте ваш выбор (почему вы хотите, чтобы именно это произведение было экранизировано). Напишите, кто из современных режиссёров, на ваш взгляд, смог бы снять этот фильм, свою точку зрения обоснуйте. Укажите жанр, в котором можно экранизировать художественный текст (биографический, военный, детектив, комедия, приключения, мелодрама, фантастика, др.). Объем колонки 120-150 слов.
3. Написать две аннотации к существующим в реальности или созданным в воображении фильмам – экранизациям произведений русской и зарубежной литературы. Ваша задача – привлечь зрителей к просмотру этих фильмов. Объем аннотации – 3-4 предложения.

(«Аннотация (от лат. annotatio «замечание») – краткое содержание книги, рукописи, статьи, фильма... а также его краткая характеристика).